

евровосток

Юрий Шевцов

Объединенная нация

ФЕНОМЕН
Беларуси

европа

Юрий Шевцов

**Объединенная нация.
Феномен Белорусии**

«Европа»

2005

Шевцов Ю.

Объединенная нация. Феномен Белоруссии / Ю. Шевцов —
«Европа», 2005

Главный, наиболее интересный тезис книги Ю. Шевцова – белорусы это народ Катастрофы. У них, подобно евреям, Шоа состоялась. Причем не на собственной территории, и носит имя Чернобыль. История складывается из событий, то есть случаев, приобретших стратегический статус. Это зависит не только от того, удалось ли выжить участникам Катастрофы, а еще более от того, как именно они выживали. От мировой ценности их «ноу-хау». Ноу-хау выживания в посткатастрофной Беларуси еще ждут своего описания. Чернобыль, ставший могильником для авторитета советской власти, розой ветров 1986 года страшно ударил по Белоруссии. И создал для ее будущего новые рынки. Европа в ужасе отказывалась от АЭС – и создала необъятный спрос для российского газа, выгодно привязав Белоруссию к транзитному буму. Следующий за этим обвал экономики в России дал импульс минскому экономическому чуду, приучив нашу промышленность к белорусской переработке.

© Шевцов Ю., 2005

© Европа, 2005

Содержание

БЕЛОРУССИЯ, КОТОРАЯ УДАЛАСЬ	5
Введение	7
Глава первая	11
ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ	11
Регион. Автохтоны	11
Полесье	14
Опустошения как границы эпох	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Юрий Шевцов

Объединенная нация. Феномен Белоруси

БЕЛОРУССИЯ, КОТОРАЯ УДАЛАСЬ

Мы в Москве привычны к двум типам книг о Белоруссии – заказанным властями в Минске или заказанным врагами ее властей. Антилукашенковский памфлет с мутными наветами, косноязычными оскорблениями и тайнами двора, интересными только для бывших придворных (из которых оппозиция состоит). Или пудовый альбом с цветным трубопроводом, уходящим в даль фотошопа, где славянки в дурном макияже подносят проплаченный хлеб. Книга Юрия Шевцова, белорусского интеллектуала и европейца, вопреки принятому – про Беларусь.

Белорусский феномен неведом в России, здесь обсуждают не политику, а фигуры. Не белорусское чудо, а его нереспектабельного отца – Александра Лукашенко. В последнем видят чудака, полезного либо отвратительного, а чаще – «два в одном». Мышление новомосковской элиты определяет ее бесполезный цинизм. Исходно капитулянтское, оно подыскивает такой набор факторов, что позволит выгодно сдать. Во внешней политике общество склоняется к изоляционизму, но это изоляционизм невежд, для которых мир за Садовым кольцом слишком сложен, чтобы разобраться в его деталях.

Многим покажется, будто Юрий Шевцов описывает неведомую страну. Успешную среднеевропейскую страну с сильным государством, динамичную экономику с невероятными темпами роста. Независимая внешняя политика, модернизированная, хорошо управляемая компактная армия. Дисциплинированное общество, сознающее белорусскую идентичность без помощи сброда нацификаторов. Европейский многоконфессиональный народ с неразрушенной коренной основой и культурой не гадить в своей стране. Ни под каким видом – ни порознь, ни корпоративно, ни идейно. Что, впрочем, страну не спасло.

Интересным, давно нуждающимся в обсуждении является тезис автора о принципиальности антифашизма для Белоруссии, этакого славянского Израиля – нации, вскормленной партизанским антинацизмом. Тем, кто хочет понять страну, прошлое которой – цепь *катастроф извне*, ничем не заслуженных и не спровоцированных, стоит обдумать сам тип «наций Катастрофы». Их, кстати, в мире не так уж мало. (И Эллада ахейцев обязана своим мировым чудом сейсмической катастрофе, похоронившей элегантных крито-минойских колонизаторов.) Кстати, не относится ли сама российская нация к этому типу?

Главный, наиболее интересный тезис книги Ю. Шевцова – белорусы это народ Катастрофы. У них, подобно евреям, Шоа состоялась. Причем не на собственной территории, и носит имя Чернобыль.

История складывается из событий, то есть случаев, приобретших стратегический статус. Это зависит не только от того, удалось ли выжить участникам Катастрофы, а еще более от того, *как* именно они выживали. От мировой ценности их «ноу-хау». Ноу-хау выживания в посткатастрофной Беларуси еще ждут своего описания. Чернобыль, ставший могильником для авторитета советской власти, розой ветров 1986 года страшно ударил по Белоруссии. И создал для ее будущего новые рынки. Европа в ужасе отказывалась от АЭС – и создала необъятный спрос для российского газа, выгодно привязав Белоруссию к транзитному буму. Следующий за этим обвал экономики в России дал импульс минскому экономическому чуду, приучив нашу промышленность к белорусской переработке.

Фразу автора – «Чернобыльская катастрофа дала белорусской культуре моральное обоснование самостоятельного существования и право оценивать степень моральности иных

культур, особенно культур развитых стран» – надо понимать как относимую и к Западу, и к России.

С культурной Россией ясно – тут Белоруссия попала в образ «доброго туземца» после первых же интеграционных инициатив А. Лукашенко. Славянский дядюшка Том в Минске подпишет еще один-два союзных договора (ни к чему не ведущих), по которым рассчитается чем-нибудь «пророссийским» (кто-нибудь знает смысл этого слова?).

Крипторасистский самообман москвичей, давно расшифрованный минчанами, настораживает, ничуть не облегчая интеграционных переговоров. Еще сложнее с Евросоюзом. Тот наотрез отказывается признать ценность инородного Евровостока ценностью для *своей, европейской* идентичности. Евровосток с его проблемами все еще якобы не европейское достояние, а некая криминального вида толпа инородцев у порога Европы. Вот идеология, которая овладела брюссельской массой – чиновной кастой держателей и контролеров. Идея, будто евро-стандарты есть нечто завершенное, готовое и укорененное в одной только части Европы, несостоятельна ни исторически, ни культурно. Чернобыль, взятый в контексте белорусского опыта возрождения, – это фундаментальнейший европейский опыт. Без солидарных усилий Европы и Евровостока чернобыльская – глобальная проблема не может быть решена местными силами, а разговоры о любой интеграции останутся лицемерием.

Юрий Шевцов демонстрирует верность реальности, как он ее видит. Другой поставит в центр другие реальности и, может быть, выиграет – мировая политика отнюдь не справедлива. Именно так ставится вопрос злыми парнями «Запада», для которых нынешняя Беларусь – самодвижущаяся фигурка на поле боя: «Это не та машина, которую можно реформировать. Ее нужно сломать» (Peter Savodnik, Slate, 15.02.05). То есть непонятное общество будут лечить еще одной катастрофой! В наркологии при операции рвется крохотная, загнанная в гетто и оттого агрессивная минская гетто-оппозиция (автор трезво отмечает ее «суицидальность»). Но, если вдуматься, оскорбительней не высокомерие тех, кто берется проектировать регионы мира, строить нации и разламывать государства, а их невежество.

Глеб Павловский

Введение

Когда мы говорим о Беларуси, всегда произносим имя Александра Лукашенко. Когда произносим имя Лукашенко, всегда признаем: его открыто не приемлет Запад, он остановил либеральные реформы в Беларуси, он – единственный среди лидеров бывших советских республик держится курса на союз с Россией, все попытки его свержения были неудачны. Если мы задумаемся о Беларуси глубже, то обязательно вспомним, что Лукашенко пришел к власти давно – еще в 1994 году, экономика Беларуси начала быстрый рост уже с 1996 года, внутри Беларуси все эти годы отсутствует сильная оппозиция, а Москва не имеет реальных рычагов воздействия на белорусскую ситуацию.

Перед нами феномен: целая постсоветская европейская страна много лет проводит политику, которая никак не вписывается в постсоветские стандарты. Беларусь отказалась от шоковой терапии и массовой приватизации, сохранила высококонцентрированное экспортно ориентированное промышленное производство, инициировала и заключила союз с Россией, остановила развитие собственного национализма, выдержала жесткую идеологическую и политическую конфронтацию с Западом. Эта страна отстроила все структуры независимого государства и отказалась растворяться в России. Ни одна бывшая советская республика и ни одно бывшее европейское «социалистическое» государство не пошли таким путем.

Был ли эффективен белорусский путь?

Если оценивать белорусский путь с точки зрения эффективности экономики, политической системы, государственных институтов, то надо признать: да, несомненно, белорусский путь оказался успешным. Беларусь имеет великолепные темпы экономического роста. В некоторые годы эти темпы роста промышленности были здесь наиболее высокими в Европе: в 1997 году – свыше 17 % и в 2004 году – свыше 15 %. Беларусь сохранила относительно высокотехнологичный характер своей промышленности, избежала социальных коллапсов, связанных с крахом старых советских промышленных гигантов, сумела ограничить преступность, избежать сильных внутривнутриполитических конфликтов и острых конфликтов с соседями, обеспечить высокий уровень социальной защищенности граждан.

Нельзя не задаться вопросом, почему это стало возможно. Почему нарушение всех стандартов постсоветского развития дало успешный результат и почему это произошло именно в Беларуси? Как долго может сохраниться этот феномен? Каково влияние «феноменальной» Беларуси на иные страны? Как Беларусь может вписаться в процессы европейской интеграции? Как могут быть выстроены оптимальные отношения России и Беларуси?

Однако не все проблемы Беларуси оказалось так же легко разрешить, как выстроить сильное государство и динамичную индустриальную экономику. У Беларуси есть проблемы, которые из России или большинства иных постсоветских стран обычно не видны. Именно эти незамечаемые проблемы являются для Беларуси более важными, чем сильное государство и процветающая экономика. Это последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Увы, но этот колоссальный вызов извне Беларусь не преодолела. Хотелось бы думать, что преодолает позднее.

По каким критериям анализировать белорусский феномен? Беларусь настолько спорная страна, что если мы не отвлечемся от обсуждения личности президента Республики Беларусь (РБ) Александра Лукашенко, раздражающей многих и почти всех в развитых странах, то обсуждения Беларуси не получится. За много лет его лидерства о нем сказано так много, что за этим словно исчезла страна.

Между тем лидер не может не быть производным от социально-экономической структуры своего общества, не может не быть частью культуры своего народа, частью местной политической традиции. Тем более лидер, который более десяти лет возглавляет государство и обес-

печивает его успешное развитие при резком противодействии со стороны очень влиятельных сил. Президент РБ А. Лукашенко – это производное белорусского феномена, поэтому анализ феномена вполне может обойтись без слишком пристального внимания к этому политику.

Любая страна, любая общность – это система элементов и одновременно элемент большой региональной и глобальной систем. Каждая страна обладает той или иной степенью самостоятельности относительно внешних сил. Беларусь много лет ведет очень самостоятельную и инициативную политику.

Уже выборы лета 1994 года, когда к власти пришел Александр Лукашенко, были актом независимой политики. А. Лукашенко победил с лозунгами, напоминавшими те, под которыми в октябре 1993 года выступил в Москве Верховный Совет. Та же советская ностальгия в идеологии, стремление восстановить Советский Союз, остановить либеральные реформы. Резкая антизападная риторика. В политической ситуации 1994 года победа А. Лукашенко – это победа противников Ельцина и Запада и никак не победа Кремля в Беларуси. Придя к власти, А. Лукашенко сохранил верность своим базовым лозунгам 94-го года.

И Кремлю, и Западу пришлось вступать в сложные отношения с А. Лукашенко, смирившись с фактом его существования. Разные политические группы в России по-разному относились к Лукашенко и Беларуси, поддерживали белорусскую политику или противостояли ей, но никогда белорусская политика не была политикой Кремля. Скорее наоборот, Беларусь, как правило, добивалась реализации своих интересов в России, опираясь на те группы в истеблишменте и те общественные настроения, которые были оппозиционны Кремлю.

Еще более слабым было и есть влияние на белорусскую политику Запада.

Понять причины устойчивости антикремлевской в своей основе и антизападной по идеологии политики Беларуси – главная задача при анализе белорусского феномена. Каким образом Беларусь сумела выстроить независимую от внешних сил политику? Почему ни Запад, ни даже Россия не в состоянии эффективно влиять на А. Лукашенко? На чем основана внешне-политическая устойчивость Беларуси?

Несмотря на идеологическую и политическую конфронтацию Беларуси со странами ЕС и НАТО, Беларусь сократила вооруженные силы примерно до 65 тыс. военнослужащих, притом что согласно Договору по обычным вооруженным силам в Европе она имеет право на армию численностью в 130 тыс. человек. В течение всего времени своего существования Беларусь не сталкивается с осязаемой внешней угрозой даже на уровне пограничных конфликтов. Каким образом обеспечивается безопасность Беларуси?

Важный параметр белорусского феномена – внутренняя устойчивость белорусской политической системы. После прихода к власти А. Лукашенко здесь не было ни крупных социальных выступлений, ни межнациональных обострений, ни межконфессиональных или клановых столкновений, ни обострения отношений с соседями.

Более того, влияние организованной политической оппозиции всех толков на протяжении более чем десяти лет правления А. Лукашенко только падало. В чем причина силы белорусской политической системы относительно оппозиции? Почему белорусскую оппозицию не усиливает ни одна из форм ее внешней поддержки, оправдавших себя в иных постсоветских государствах?

По своей внутренней социально-политической структуре Беларусь совсем не простая страна. В момент прихода А. Лукашенко к власти далеко не все институты независимого государства были отстроены. Некоторое время разрешить внутренние конфликты силой государственных институтов было невозможно. Однако острых внутренних противостояний не произошло, и их нет до сих пор. Проблемы приватизации и контроля над сегментами экономики не раскалывают белорусскую политическую элиту на противостоящие группировки. Значит,

тому есть внутренняя причина. Каким образом белорусская политическая система нейтрализует внутренние напряжения, и каким образом до сих пор обеспечивается баланс интересов разных групп влияния?

Сложностей и взаимных претензий между белорусами и соседями ничуть не меньше, нежели у всех народов региона Европы, где находится Беларусь. Однако только Беларусь сохранила политическую стабильность в пограничных регионах без общественной дискуссии и широкомасштабных акций по примирению народов, которые все остальные страны региона, помимо России, проводили в рамках европейской интеграции. Каким образом в таком случае Беларусь сумела обеспечить стабильность в своих приграничных регионах и двусторонних отношениях с соседями? Каково место Беларуси в региональной системе безопасности и в регионе вообще?

Беларусь – единственная постсоветская страна, единственная страна бывшего Восточного блока, которая отказалась от политики национального возрождения, уравнила русский язык в правах с национальным языком, изменила государственные символы так, что они напоминают государственные символы БССР. Страна отказалась открыто ориентироваться на вступление в состав Европейского союза и приняла курс на союз с Россией. Необычная для постсоветских стран идеология Беларуси оказалась эффективной. Почему в Беларуси сложилось столь отрицательное отношение к собственному, как, впрочем, и к русскому, польскому или украинскому национализму?

Экономика Беларуси в начале 90-х годов падала примерно теми же темпами, что и экономика других крупных республик бывшего СССР. Страна сумела выйти из кризиса и начать экономический рост тогда, когда большинство постсоветских и бывших социалистических стран находились в самой глубокой фазе своего падения. На чем основана эффективность белорусской экономической модели? Каково значение белорусской экономики для стран региона и особенно для России? Каковы слабые стороны этой модели? В каком направлении развивается белорусская экономика?

И последнее. Беларусь находится в Европе. Европа объединяется. Каждая европейская страна позиционируется относительно Европейского союза. В конечном счете почти все европейские страны стремятся войти в состав ЕС. Каково место Беларуси в процессе европейской интеграции, и как европейская интеграция влияет на Беларусь? Говорить о взаимодействии России и ЕС проще: Россия – главный поставщик углеводородного сырья в Европейский союз, ЕС – главный внешнеторговый партнер Российской Федерации. Вопрос о членстве РФ в ЕС не стоит, но существует глубокое, хорошо институциональное взаимодействие Москвы и Брюсселя. А каково место Беларуси в европейской интеграции?

Беларусь оказалась единственной страной, которая сознательно и очень эффективно ориентировала свою экономику на Россию, тогда как все остальные европейские постсоциалистические страны ориентировались на ЕС. Даже Россия экономически ориентирована на ЕС, но не Беларусь. Каково место Беларуси в Европе?

Ответы на эти вопросы и есть описание белорусского феномена. Кажется, вопросы достаточно простые, но, как ни странно, существует совсем немного текстов со своими вариантами ответов на них. Я благодарен издательству «Европа» за возможность предложить русскому, преимущественно русскому читателю свою версию такого объяснения.

Помимо новых разделов в эту работу включены адаптированные для русского читателя тексты, которые уже прошли обсуждение в Беларуси и в некоторых иных европейских странах. Я также посчитал нужным привести немало статистики, особенно в той части, где речь идет об экономике Беларуси. В силу разных причин российская общественность мало с ней знакома. Хотелось бы также сразу заметить, что в Беларуси нет независимого мониторинга ни одной масштабной проблемы или общенационального процесса, который мог бы сравниться по масштабу и охвату с официальной статистикой.

Подавляющее большинство независимых от белорусского государства статистических материалов или иных первоисточников являются всего лишь частными исследованиями, которые могут пояснять белорусскую официальную статистику, в чем-то ее немного корректировать. Но любое исследование белорусских реалий начинается с овладения массивом официальной информации. Из моего личного опыта сложилось впечатление, что белорусская статистика в целом адекватно отражает реалии. Можно смело опираться на нее, рассматривая те вопросы, где белорусское государство применяет менеджерские решения: прежде всего это экономические реформы. При том официальная статистика плохо приспособлена к решению задач, которые не ставит государственный аппарат РБ, но это не отмечает эффективности и качества большинства белорусских официальных данных по большинству актуальных для страны проблем.

В целом же белорусский феномен я объяснил бы очень специфичным советским наследством, которое досталось Беларуси в условиях сложившегося в тени европейской интеграции стратегического положения РБ в 90-е годы.

Глава первая

КУЛЬТУРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Регион. Автохтоны

Белорусы занимают небольшую территорию по сравнению с русскими. Эта территория была освоена белорусами достаточно давно. Белорусы в течение тысячи лет не знали массовых освоений обширных пространств, на которые в ходе своего исторического развития приходили и расселялись русские. Те группы населения современной Беларуси или же те белорусы, которые покидали свой регион (его географические границы – между Полесьем и Южной Прибалтикой), как правило, ассимилировались в местах своего нового расселения и не поддерживали тесной связи с местами, откуда пришли. Эти люди терялись для белорусской культуры и идентичности.

Регион расселения белорусов охватывает в основном территорию нынешней Республики Беларусь и некоторые приграничные районы соседних стран. Заметные миграционные движения на этой территории были, но имели специфическую особенность: миграции, как правило, не были связаны с массовым переселением иноэтничного населения в сельскую местность. Мигранты оседали преимущественно в городах. Такая модель миграций была характерна почти для всех европейских стран. Но в регионе Беларуси эта общая закономерность дополнялась почти полным отсутствием сельских территорий, которые были бы полностью колонизованы иноэтническими мигрантами. Беларусь не знала германизации Судет, мадьяризации

ряда карпатских регионов или польской колонизации некоторых территорий правобережной Украины...

В силу специфики региональных политических отношений на территории между Полесьем и Южной Прибалтикой часто разгорались разрушительные войны. В ходе войны, как правило, погибало в основном городское население. Послевоенное восстановление городов всегда осуществлялось за счет активного привлечения иноэтнических элементов. Потери сельского населения, даже очень высокие, достигавшие трех четвертей, в основном возмещались за счет регенерации уцелевших местных жителей. Такими четко фиксируемыми разрушительными периодами в истории Беларуси были Ливонская война 1557–1582 годов (потери коснулись преимущественно восточной части Великого княжества Литовского, то есть белорусских земель).

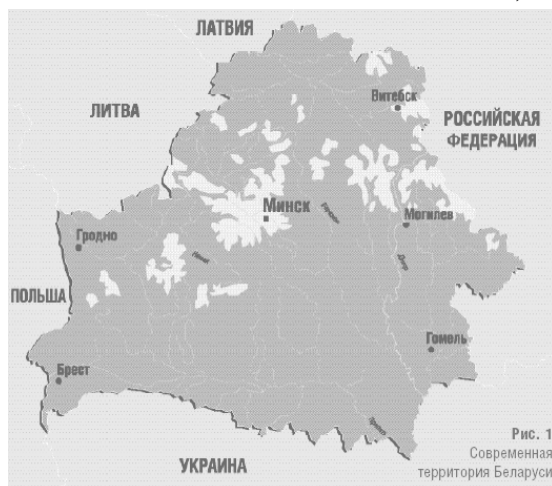

Рис. 1
Современная
территория Беларуси

Война 1648–1667 годов (около половины населения, в восточной части Великого княжества Литовского – около трех четвертей, почти все городское население). Северная война 1700–1721 годов и предшествовавшие ей внутренние войны в Речи Посполитой (до трети населения, прежде всего городского). Вторжение войск Наполеона в Российскую империю (около четверти городского населения).

Первая мировая война 1914–1918 годов (эвакуация около 1,5 млн. человек из Западной Беларуси, уничтожение почти всех городов в этой части Беларуси) и последовавшая Гражданская война на руинах Российской империи, а также советско-польская война 1919–1920 годов. Вторая мировая война 1939–1945 годов (около трети населения, свыше трех четвертей горожан).

Практически всегда после очередного опустошения культурная самоидентификация политического класса Беларуси резко изменялась. А вместе с нею обычно изменялись политическая культура, язык, принятый в среде политического класса, историческое самосознание и конфессиональная принадлежность.

В ходе войн особо сильному воздействию подвергался политический класс. Практически всегда после очередного опустошения культурная самоидентификация политического класса Беларуси резко изменялась. А вместе с нею обычно изменялись политическая культура, язык, принятый в среде политического класса, историческое самосознание и конфессиональная принадлежность.

Рюриковичи эпохи Киевской Руси с киево-византийским православием сменились Гедиминовичами (язычниками и этническими литовцами), которые затем в значительной мере приняли католичество и «старобелорусский язык» в качестве официального языка Великого княжества Литовского. Шляхта XVI – начала XVII века создала миф о своем происхождении в контексте сарматского мифа польской шляхты, развила демократические институты и тради-

ции, прошла через латинизацию и реформацию к неокатоличеству и значительной языковой полонизации. После войны 1812 года произошла мощная полонизация уцелевшей шляхты и магнатов в рамках польского романтизма и национальной консолидации польского народа. В ходе Второй мировой войны и первых послевоенных лет остатки полонизировавшейся шляхты в целом погибли или покинули регион Беларуси.

Таким образом, белорусы – это в основном потомки той части преимущественно сельского населения, которая осталась жива в ходе часто повторяющихся войн. На протяжении жизни каждого трех-четырех поколений повторялись разрушительная война и послевоенное восстановление. Политический класс в регионе Беларуси в ходе войн, оставаясь местным по происхождению, несколько раз радикально менялся по культуре и идентичности. Политическая и культурная традиция в период между войнами никогда не успевала приобрести окончательную устойчивость и несколько раз резко прерывалась. Формирование белорусов как современной нации развернулось в XIX столетии на базе крестьянской культуры и традиции.

Развитие белорусской нации сопровождалось подавлением остатков культурных групп, связанных с Польшей, позднее – с Российской империей. Новый политический класс Беларуси возник в послереволюционный период и сформировался прежде всего на основе крестьянства.

Города были заселены крестьянами и мигрантами из других регионов бывшего СССР в ходе послевоенной урбанизации. Довоенное городское население в ходе Второй мировой войны в массе своей погибло. Бывшие советские партизаны, оказавшиеся у власти в Беларуси в результате Второй мировой войны, в определенной мере являлись социокультурным аналогом боярства времен Киевской Руси и Великого княжества Литовского или шляхты Речи Посполитой. Советская идеологическая интерпретация белорусской идентичности выполнила в регионе интеграционную идеологическую и культурную функцию.

Интеграционная панславистская идеология, которая ныне весьма распространена в Беларуси, особенно среди представителей ее политического класса, может быть понята как своего рода аналог демократической шляхетской идеологии Речи Посполитой – идеологии, которая может способствовать реализации внешнеполитических задач белорусского государства.

Регион Беларуси в моменты своего политического взлета всегда обладал системой ценностей, приемлемой для распространения вовне.

Эта «экспортная» идеология обычно обеспечивала политическую стабильность региона и была формой распространения очередным местным политическим классом своих духовных ценностей. Современное белорусское славянофильство и советский консерватизм фиксируют ценности сформировавшегося в XX столетии политического класса Беларуси и обеспечивают успех белорусской внешней политики на самом важном для РБ ныне направлении – на постсоветском пространстве.

В этой связи следует обратить внимание на три важных, хотя и частных обстоятельства, которые часто всплывают во время обсуждения белорусских тем. Несмотря на несколько сотен лет унии с Польшей, Великое княжество Литовское не знало значительных польских миграций на свою территорию. Основными направлениями миграций поляков являлись степные районы Украины. Освоение поляками территорий северо-восточнее Варшавы началось достаточно поздно, в основном после Люблинской унии 1569 года. Согласно этой унии, в ходе которой возникла Речь Посполитая как федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, последнее сохранило очень высокую степень самостоятельности: свою политическую систему и законодательство, армию, финансы, таможенную, государственный язык. Законодательство запрещало подданным королевства занимать государственные должности в княжестве и владеть там землей.

После присоединения Великого княжества к Российской империи массовых переселений русского населения на эту территорию также не было. На территории современных Беларуси и Литвы происходил тот же демографический взрыв, что и в Великороссии, и малоземелье выталкивало самих белорусов за пределы региона, препятствуя оседанию в нем людей «извне». Несмотря на жесткие подавления антироссийских восстаний (1830–1831, 1863–1864 годы) и раздачу конфискованных у восставших земель русским помещикам, доля этнических русских в составе дворянского сословия на территории современной РБ также была невысока – до 5 % землевладельцев.

В период между двумя мировыми войнами в западную часть Беларуси, которая оказалась в составе Польши, было переселено несколько сотен тысяч этнических поляков. Поляки-переселенцы занимали преимущественно административные должности. Некоторые из них получили за особые заслуги перед польским государством обширные земельные участки и составили общину польских колонистов. После присоединения западной части Беларуси к СССР в ходе тяжелых боевых действий 1941–1944 годов, а также в ходе депортаций и послевоенных обменов населением между Польшей и СССР эти поляки-переселенцы в основном либо покинули территорию Беларуси, либо погибли.

Автохтонность белорусов – принципиально важная черта белорусской идентичности, обусловленная историей региона. Распространенное в Беларуси самоопределение «тутэйшыя» («здесьние») является одной из базовых черт этнической самоидентификации. Часто эта «тутэйшность», автохтонность важнее для населения и отдельных микросоциумов, индивидуумов, чем любой политический, культурный или даже языковой компонент.

Полесье

Полесские болота – это целая страна протяженностью 800-1000 км с запада на восток и около 400 км с юга на север. До проведения широкомасштабной мелиорации через Полесье существовало всего несколько устойчивых сухопутных проходов, и наиболее надежным было пересечь Полесье по немногочисленным рекам.

Севернее Полесья вплоть до Балтийского моря – территория лесов. Южнее леса достаточно быстро переходят в степи. Плодородность земли южнее Полесья несопоставимо выше, чем в лесной части севернее. Климат севернее Полесья гораздо прохладнее. Севернее и южнее Полесья социально-экономические структуры обществ, политические и культурные системы также естественно отличны друг от друга. Экспансия и даже культурная и экономическая коммуникация с севера на юг или с юга на север очень затруднена.

Белорусский высококонцентрированный социально-экономический комплекс начал свое развитие в условиях, когда давняя, естественная Полесская географическая граница еще не была преодолена с помощью мелиорации и современных трасс.

Белорусский феномен – в значительной степени и есть феномен существования сознательно измененного человеком географического ландшафта – Полесья.

Полесье – это около половины территории Беларуси. Мелиорация, насыщение новыми коммуникациями ранее болотистых районов, демографический взрыв на мелиорированных землях и так далее – все это изменило традиционный образ жизни на половине территории Беларуси ничуть не меньше, нежели сверхиндустриализация в районе совсем неполесских Могилева, Полоцка, Витебска или Минска. Среда искусственного ландшафта, переплетаясь с изменениями, вызванными в Гомеле, Мозыре или Бресте современными крупными промышленными производствами, стала неотъемлемой, очень специфичной чертой белорусского социально-экономического феномена.

Основные инвестиционные потоки, определившие развитие Беларуси к концу 80-х годов, были обусловлены геополитическими трансформациями, которые произошли в Восточной Европе в результате Второй мировой войны. Это хорошо прослеживается.

В ходе Второй мировой войны на территории между Балтийским и Черным морями, Москвой и Германией, были практически полностью разрушены города, а городское население почти полностью погибло. В Беларуси разрушение городов было наиболее очевидно. В Минске, насчитывавшем перед войною около 300 тыс. человек, после освобождения от нацистов осталось около 100 тысяч. В Витебске, втором по величине городе БССР, перед войной насчитывалось около 100 тыс. жителей, а в момент освобождения от нацистов – менее 20, кажется, 17 тысяч. В целом потери в городском населении БССР составили свыше 70 %. Столь же тотальными были потери в промышленности, жилищном фонде и городской инфраструктуре.

Разрушения и потери деревни были в целом меньшими, но также очень значительными. В восточной части Беларуси разрушения большими, чем на западе. Во-первых, Восточная Беларусь прошла через волну советской урбанизации в конце 20-х – 30-х годах. Города, промышленность, инфраструктура, образование и наука в восточной части Беларуси были гораздо более развиты, чем на западе. Западная же Беларусь была отсталой частью Польши, населенной этническими меньшинствами, к которым в националистической межвоенной Польше отношение было настороженным, временами агрессивным.

В итоге Второй мировой войны два наиболее развитых города, которые можно отнести к Западной Беларуси – Белосток и Вильна, – не вошли в состав БССР и развивались в составе соответственно Польши и Литовской ССР.

В 1939 году в Белостоке был проведен съезд народных представителей Западной Беларуси, который официально принимал решения о вхождении в состав БССР/СССР и другие постановления, необходимые для легитимного принятия Западной Беларуси в состав СССР. Белосток входил в состав БССР до решения 1944 года о его передаче Польше. Вильна, самый крупный город Западной Беларуси, традиционный экономический и культурно-политический центр польской части Беларуси, также изначально предполагалось включить в состав БССР как столицу одной из белорусских областей. В первые недели после вступления Красной армии в Польшу 17 сентября 1939 года в Вильне размещался обком Коммунистической партии Белоруссии, выходила областная белорусская газета, отстраивались органы власти БССР.

Согласно Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года и протоколу к нему вся польская Западная Беларусь, включая Вильну, признавалась сферой интересов СССР.

В сферу интересов СССР также включалась часть территории Польши между Брестом, Белостоком и Варшавой. Литва признавалась сферой интересов Германии. Таким образом, в случае выполнения этого договора в составе БССР могли оказаться не только территории со значительным польским населением в районе Вильны, Гродно и Белостока, но и территории, прилегающие к столице Польши, где белорусов и вообще православных было совсем немного, а степень польской идентичности населения очень высока. В случае выполнения договора между СССР и Германией от 23 августа 1939 года численность населения БССР превысила бы 12 млн. человек, из которых не менее 3 миллионов составили бы этнические поляки.

В ходе боевых действий в начале сентября 1939 года, еще до вступления Красной армии на территорию Польши, германская армия перешла границу советской сферы влияния в Польшу, продвинувшись до Бреста. 28 сентября 1939 года между СССР и Германией был подписан Договор о дружбе. Согласно протоколу к этому договору СССР отказался от территорий между Брестом и Варшавой, заселенных в основном этническими поляками, уже занятых немецкими войсками. Германия, в свою очередь, признала частью сферы советских интересов Литву (без Клайпеды, к тому времени уже занятой немецкими войсками). Сразу после заключения нового договора с Германией Советский Союз осенью 1939 года передал Вильну

Литве. В Литве были размещены советские военные базы, а в 1940 году в этой стране произошла «социалистическая революция», в результате которой Литва подобно иным прибалтийским странам вошла в состав СССР. Любопытно припомнить, что именно коммунистическое правительство Литвы, а не «дореволюционное» буржуазное ее правительство перенесло столицу из Каунаса в Вильнюс.

После завершения Второй мировой войны Вильна осталась в составе Литовской ССР. В результате БССР получила самые отсталые части Западной Беларуси, от которых оказались отсечены оба традиционных городских центра притяжения для окрестных сельских территорий.

Рывок индустриализации на этих землях требовал значительных инвестиций извне, так как внутренних ресурсов для рывка в регионе не было. Их не было и в опустошенной войной восточной части Беларуси. Характер ее послевоенного развития определялся в первую очередь соображениями о целесообразности того или иного пути развития, как они виделись из Москвы.

Можно говорить о двух альтернативных путях послевоенного развития Беларуси и всего запада бывшего СССР: с опорой на менее разрушенные войной регионы Западной Беларуси, Западной Украины, прибалтийских республик – либо перенос туда центров экономической активности, либо восстановление разрушенных войной Восточной Беларуси, Восточной Украины.

В рамках первого варианта можно рассматривать идею присоединения к БССР части Восточной Пруссии, отошедшей с Советскому Союзу, и некоторое время этот вопрос активно обсуждался. Предполагалось переместить в Восточную Пруссию часть населения из разрушенных войной местностей БССР, в основном из восточной части республики, и развить бывший Кенигсберг в качестве морских ворот БССР.

Можно без труда реконструировать последствия такого шага для БССР и всего региона. Освоение Восточной Пруссии влекло за собою концентрацию инвестиционных усилий Москвы на развитии в основном западных и приморских районов Беларуси. Разрушенные войной территории восточной части БССР развивались бы относительно медленно. Нечто подобное произошло с западными областями РСФСР.

В послевоенный период эти разрушенные войной области стали резервуаром мигрантов для крупных городов России, Прибалтики, Казахстана. Село в Смоленской, Псковской, Брянской областях РСФСР быстро опустело, и ныне к границе Беларуси с востока примыкает едва ли не пустынное пространство, резко контрастируя с восточнобелорусскими реалиями.

Концентрация ресурсов Польши на освоении прежде всего новых западных земель повлекла за собою медленные темпы развития восточных регионов Польши, которые в ущерб себе стали все тем же миграционным резервуаром для Силезии и Поморья. В результате восточные районы Польши ныне заметно уступают по уровню развития западным, ранее немецким территориям.

В контексте этого подхода – легче построить на новом месте, чем восстанавливать разрушенное в ходе войны, – был и проект переноса столицы БССР из Минска в Могилев. Перенос столицы из разрушенного на 80 % Минска в небольшой Могилев по сути означал бы строительство столицы на новом месте. Однако в конечном счете было решено восстанавливать и развивать Минск.

Не будем втягиваться в дискуссию о причинах принятия решения о восстановлении народного хозяйства БССР после войны, а не об освоении Восточной Пруссии и западной части Беларуси. Скорее всего основной причиной были соображения безопасности и устойчивости

СССР в начавшемся противостоянии своим бывшим союзникам по антифашистской коалиции.

Другой важной причиной, видимо, выступило резкое изменение характера экономических связей всей Восточной Европы.

Оказавшись в составе советской сферы влияния, восточноевропейские страны выпали из традиционных экономических отношений с западноевропейскими государствами. Резко упало экономическое значение портов на Балтике и связанных с этими портами коммуникаций. Зато выросло значение континентальных сухопутных артерий: железных дорог, шоссейных магистралей, трубопроводов, линий электропередачи и т. д.

Восточноевропейские страны в послевоенные годы также резко нарастили объемы потребления промышленного сырья в ходе восстановления своего народного хозяйства по советским стандартам: тяжелая промышленность, крупные заводы, большие города... Сырье поступало в основном из глубинных районов СССР, что также привело к резкому росту значения континентальных транспортных артерий, проходящих через территории западных республик СССР.

Восточная Беларусь и Восточная Украина естественным путем после окончания Второй мировой войны оказались в более комфортной ситуации для развития своей промышленности, нежели обезлюдевшая Восточная Пруссия, аграрные Западная Беларусь, Западная Украина и Восточная Польша. Наконец, большое значение имела близость к крупным городским агломерациям. В Советском Союзе с его жесткой иерархией городов близость прежде всего к Москве, в меньшей степени к Ленинграду и Киеву, определяла развитие региона.

Опустошения как границы эпох

Одна из принципиальных черт белорусской истории: регулярно проходившие в регионе опустошительные войны, как правило, были формой столкновения на территории Беларуси внешних по отношению к самой Беларуси военных сил и государственно-политических образований. Государство, в состав которого в момент начала войны входила территория современной Беларуси, обычно не имело сил сразу же остановить вторжение. Опустошение в регион всегда приходило извне и продолжалось до тех пор, пока не выдыхалось.

Территория современной Беларуси давала потенциал к выживанию относительно небольших государственно-политических образований в борьбе с такими же довольно слабыми государствами. Даже после достижения военно-политической стабилизации, как это произошло при Витовте, они то и дело распадались на множество уделов, княжеств, ординаций, воеводств, поветов, магнатских и шляхетских конфедераций... Формы политической самоорганизации регионов менялись, однако после кратковременного успеха роль центральной власти в Беларуси всегда уменьшалась. Военно-политическая ситуация в регионе была устойчивой лишь до той поры, пока вне Беларуси не появлялись новые крупные и мощные образования (условно говоря, «империи»), которые схватывались между собою, вовлекая в конфликт и те относительно слабые государства, которые существовали в регионе.

В ходе очередной войны, которую вели между собою крупные внешние силы на территории Беларуси, политический класс, правивший на этой территории до войны, чаще всего погибал или очень резко ослаблялся.

Вместе с ним и с городами обычно погибала или ослаблялась, маргинализировалась и довоенная культурная традиция. Победители, как правило, были ориентированы на новую систему культурных и международных политических отношений. Обычно устанавливалась доминанта новой конфессии, отрезавшая довоенный культурный опыт. Резко менялись языковая среда и этнический состав населения городов. Ощущение себя «тутэйшыми», то есть

автохтонами, – в такой ситуации принципиально важная черта местной культурной традиции и идентичности.

Попытка приложить русскую идентичность к белорусской политической истории выглядит нерациональной: российское государство – лишь одно из государств, в состав которого некоторое время входила современная Беларусь, и российская традиция – лишь одна из традиций, которая то погибала, то усиливалась тут вместе с ее носителями. Красноречивым примером в этом отношении стала судьба «восточников» – представителей советской администрации, офицеров и членов их семей, направленных в Западную Беларусь после ее присоединения к СССР в 1939 году. Практически все эти люди погибли в течение первого года оккупации Беларуси немецкими войсками. Часто они были этническими русскими, во всяком случае носителями советской («русской») культурной традиции, установившейся в России – СССР после Октябрьской революции. Это типичная катастрофа очередного политического класса, выстроившего свою власть на территории. Местное население, несмотря на все жестокости оккупации и партизанской войны, уцелело, и именно потомки местных крестьян ныне составляют основную часть населения Беларуси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.